

Краеведение

Наследие Петра Великого на Южном Урале

Село Великопетровка – в двух часах езды от Магнитогорска. Замечательное место для экскурсионно-туристических выездов не только для школьников Карталинского района, но и гостей всей Челябинской области.

Первую авторскую экскурсию провели сотрудники лаборатории народной культуры НИИ исторической антропологии и филологии МГТУ.

По словам заведующей лабораторией Татьяны Рожковой, важно не просто привезти людей, а заинтересовать их рассказами, организовать встречи, создать условия для отдыха. «Мы готовили данную экскурсию много лет, – рассказывает Татьяна Ивановна. – Первая

экспедиция в Великопетровку для изучения истории села прошла в 2001 году, затем мы увлеклись историей храма, судьбами его жителей. Долгое время курировали научные исследования учащихся школы».

Первыми экскурсантами стали ветераны МГТУ. Поездка получилась познавательной. Главным объектом темы духовной жизни Южного Урала стала Великопетровская церковь. Волею исторических обстоятельств церковь стала символом государственного строительства в регионе, наследницей победной эпохи Петра Великого. По архитектуре, внутреннему убранству, по характеру деятельности последнего священника Скопина к началу XX века храму удалось обрести значительный вес в регионе, послужить идеалам преданности православной вере.

В школе экскурсанты посетили два музея: музей истории казачества и мемориальный музей выпускника, Героя Советского Союза Ивана Семёновича Пьянзина, погибшего во время Великой Отечественной войны в Севастополе.

Духовный и патриотический потенциал станицы Великопетровской приобретает в наши дни особую значимость. Ежегодно в Санкт-Петербурге проходит ассамблея «Путь Петра Великого», направленная на изучение наследия петровской эпохи. За прошедшие годы проведена огромная работа: церковь обустроена для проведения службы, найдена и восстановлена утраченная могила священника Николая Андреевича Завьялова, захороненного у стен церкви в 1884 году; издан сборник материалов и архивных документов «Летопись Великопетровского прихода». Впереди этап реставрации в церкви разрушающихся росписей.

Наталья Чернугова

Публикации

Рассказ погружает в атмосферу грудного, полуголодного времени и нелёгкого труда, выпавшего на долю наших прабабушек. Публицистика воскресит в памяти современников автора послевоенные годы, покажет заботы и переживания 12-летней девочки.

«Заболела наша дальняя родственница Оринюшка. Прибежала к ней вечерком. Она, наверно, забывала моё мудрёное, редкое для деревенских ушей имя, поэтому называла меня гостюшка или просто по-деревенски – девка.

– Ты, девка, посеи-ко мне мучикто. Назавтра тебе шанежки испеку.

Взяла решето, сею. Оринюшка укладывается.

– Пойди, подой корову-то. Корове порубила большую турнепсину. На плетне скамеечка, – показывает Оринюшка и протягивает халат Марии. – Переоденься.

Зачем переодеваться? Дела сделаю, да и с подружкой вечером в кино.

Стою перед Оринюшкой в своём единственном штапельном белом платье с красивыми красными цветами. Оринюшка халат мне бросила, но настаивать не стала.

Подставила скамеечку под левый бок, присела, взялась за сосцы. Корова – умная скотинка, так лягнула, что я с подойником покатила по ограде. Накануне был сильный ливень. Понятно, каким стало штапельное белое платье.

В лоток подсыпала бруквы. Отряхнулась, вымыла подойник, руки. Под какой же бок садилась? Теперь сажусь под правый со словами, которым учила матушка: «Благословясь, начинай любое дело».

– Маечка, умничка моя, ешь бруквоку да не пинайся.

Дома никогда не доила нашу Пеструху. Сестра Раиса брала меня на вечернюю дойку. Я доила, но Раечка после меня ещё додаивала начисто. Так мы управлялись с 12-ю коровами. Так что кой-какой опыт у меня был. Корова может не подпустить. Меня Майка просто учила. Выдоила. Молоко пропустила. Оринюшка из окна кухни наблюдала, как я катилась с подойником по ограде.

Вдруг меня осенила мысль – укоротить хвост Майке. Хвост-то такой длинный. Пока сидела под боком, так меня отхлестала. Иду к Оринюшке.

– Есть овечьи ножницы?

– Есть, на окне в сенцах.

Беру ножницы, примеряю и отстригаю. Теперь хвост, как метелка, хлещет меня по затылку.

– Вишь, как я тебя задобрела. И молоко ты дала, и подстричь позво-

Страдания по коровьему хвосту

«ММ» предлагает читателям новый очерк самодеятельного автора Людмилы Коноваловой

Людмила Коновалова

лила свой некрасивый длинный хвост.

– Сходи-ко, девка, на колодец за водичкой, – кричит Оринюшка. – Вон там, у Селиванихи перед домом. На речку чать скользко по крутому-то берегу, – вслух размышляет Оринюшка. – Иди к колодецу!

Взяла коромысло с ведрами. Пришла. Всегда удивлялась, почему женщины так долго набирают воду и всегда что-то обсуждают. Набрала ведра, подняла коромысло, а самой интересен разговор.

– Светлова-то Гришуню на 15 суток осудили, и выметает он улицы на югах. Рассказал мне как на духу: залепил он кружкой прямо в лицо женщине, которая на базаре в 40-градусную жару поила его молоком холодненьким. Сначала все прилично, культурно. Выпил Гришуня кружечку, уплатил. Нет бы дураку отойти. Нет. Просит ещё кружечку, уж больно молоко вкусное. Она из бидончика снова наливает, а там хлоп – лягушка! Он торговке в рожу. Она в крик. Милиционер его за шкурку – и за решётку. А ведь Гришуня, как передовик посевной, получил направление на лечение минеральными водами. Ну и пил бы минералку, а он, видите ли, молочка захотел... Я уши-то развесила, стою с ко-

ромыслом на плечах. Вот тогда и зареклась: худые дела не делать. Оринюшка знает, что в этом неглубоком колодеце у Селиванихи вода не для питья, только для пойки скотины, мытья полов да поливки огорода. Выцедила Оринюшка лягушат в помойное ведро.

– Не убивать же! Выплесни их за плетень и сходи-ко на колонку. Там вода чистая, – заметила Оринюшка.

На улочке-загогулинке, где живёт Оринюшка, всего-то пять домишек с соломенными крышами. На большой улице вдоль речки у каждого во дворе глубокий колодец, а дальше возле школы – колонка.

Моё красивое штапельное платье сушится на верёвке. Иду в Марусино платье вдоль улицы. Надо успеть: в десять часов в клубе фильм. В прошлом году не было ни кино, ни радио, ни электричества. Оринюшка хоть была на девятом десятке, но делала всё сама. Крыльцо её с выскобленными половицами застелено узорными половичками. Пекла она вкусные шанежки, потчевала меня варениками из белых груздей и вкусной груздяночкой со сметанкой.

Дочка Оринюшки Марфа по метрической записи, а по-деревенски Мария. Мария, навестив своих многочисленных внучат, оставила Оринюшку на моих надёжных руках. Утром Маруся взвывала.

– За что ты её так? – проснулась я от рыданий. – Корова с коротким хвостом – что девка в короткой юбке. Сраму-то сколько! Смотреть позорно, да и жалко скотину.

И соседка подвывала, охала.

– Баут, удой-то истощается.

Где уж тут ждать бабушкины шанежки. Бежала до дому и все семь километров плакала. Что я надела! Да, неужто этот обрезок хвоста на удой молока влияет? Стыдно-то как! Теперь в нашей деревне все узнают. Ведь я не ребёнок-несмышлёныш, мне 12 лет. И такую глупость совершила! Прости меня, господи! Искала оправдание. Ну, не совсем оправдание, а слова, чтоб матушку заговорить.

Поля озимой ржи зелёные, и никаких плешин после ливня нет, как пророчили колхозники, у которых грядки ливень выхлестал. Вот так и скажу матушке: ливень, мол, не смысл поля, никаких плешин нет, своими глазами видела поле. Скажу и отвлеку маленько. А как погостила гостюшка у старой Орины, будет

известно вскорости. Обязательно кто-то привяжет хвост коровий к удою. Ну зачем я отрезала хвост? Корова не моя. И пусть бы ходила с этим длинным хвостом, подметала бы всю пыль с дороги. А теперь греха не оберёшься, как выражается моя матушка. Будут говорить и в соседней, и в нашей деревне, пока хвост не отрастёт. А как быстро он растёт? Много я передумала, пока не уткнулась в подол родной матушки.

– Один твой необдуманный поступок навлек такой грех, – подытожила матушка мою слёзную исповедь. – Ты, радость моя великая, забыла слова молитвы: не введи в искушение. А ведь это искушение, и чёртик тебе подсказывал, что надо сделать это «добро». Не ангел, а маленький чёртик. И ты поверила, что делаешь хорошее дело. Корова-то у Орины старая, и не дай господи, случится что.

Вечером вся семья обсуждала необдуманный поступок. Суббота – банный день. Сидят наши участники войны, курят и рассуждают: «Не до хряща же отрезала?»

Отец хорошо рисовал коней. На всех войнах на коне – германской, гражданской и четыре года на Великой Отечественной. Дошёл до Берлина. Нарисовал он корову. Вот зад, ноги, хвост. Отчеркнул – это земля. «Покажи, доча, сколько отрезала, не до хряща ведь, правда?»

Показала, от земли примерно

25 сантиметров. Отрезала жёсткие, грязные пряди волос. Отец усадил меня на колени и сказал: «Прежде чем сделать, подумай».

– Да. Отчебучила заглаженная ваша радость великая. У меня их пятеро, и я опасюсь, как бы не испортить девчонок материнской лаской. Ну как же ты додумалась? – обращается ко мне наш сосед дядя Миша Кузнецов. Все взрослые смеялись и плакала. Готова была сквозь землю провалиться от стыда. Проснуться бы утром и сказать, что ничего не было. Но это не сон, и не забудется, наверно, никогда.

Сидят на крыльце отец, братик, который в семье первый и старше меня на 15 лет, и его ровесник с 1922 года рождения Миша Кузнецов. Сидят, покуривают. Я им завидую: «Вот у них всё хорошо. И никаких глупостей они не делают».

– А Светлов Гришка парень не промах. Молодой, красивый, чать любовницу на югах присмотрел, – сказал дядя Миша. – Справку председателю колхоза «Искра» привёз из милиции. Реабилитировал себя перед женой.

Мама припасла мужикам кальсоны и рубашки, развесив на перилах крыльца:

– Баня-то выстывает. Хватит, мужики, рассусоливать, идите в баню».

Людмила Коновалова

